

Фёдор ЧУДАКОВ

От редакции. Наш альманах не раз уже печатал произведения Ф.И. Чудакова (1888–1918) – самого яркого литератора Приамурья дореволюционного времени (см. №№ 7, 8, 12, 14). Недавно вышло первое за столетие издание его произведений, призванное вернуть из забвения масштабную творческую личность: **Фёдор Чудаков. «Чаша страданья допита до дна!...»: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Сост., подг. текста, вступ. статья, коммент. А. Урманова. – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. – 716 с.**

В настоящее время редактор-составитель этого издания завершает подготовку второй книги избранных произведений Чудакова – не менее объёмной и интересной. Её выход планируется приурочить к 130-летию со дня рождения Чудакова (20.02.18) и столетию с момента его трагического ухода (13.03.18). Помимо блестящей стихотворной сатиры, лирики, поэмы «Ахинея» (юмористическое подражание «Одиссее»), драматической сказки в стихах «Очарованный Леший», в неё войдёт много великолепных прозаических произведений, в том числе автобиографических. Предлагаем вниманию наших читателей два небольших рассказа из будущей книги.

ПЛЕН Улыбка прошлого

Зимой хорошо тосковать о весне...

Я сейчас расскажу о весне. Маленький смешной весенний случай.

I

В пятнадцать лет быть братом красивой сестры-гимназистки в тысячу раз лучше, чем в пятьдесят – министром. Старая истина!

Володя это прекрасно понимал.

– Боря, – говорил он мне, – ты уж извини, но, ей-богу, эта окаянная алгебра, чтоб ей...

– Давай, сейчас решу, – быстро вскакивал я. – Ерунда, я сейчас её, в две минуты...

И – честное слово! – решал в две минуты отчаянную алгебраическую задачу, потому что Володя был братом своей сестры.

«Как честный человек, – рассуждал я, торопливо разбрасывая по тетрадке разные иксы и зеты, – Володя должен будет сказать дома, что задачу ему решил я. И Катя, может быть, услышит о таком самоотвержении... И...»

– Ну, вот и готово. Смотри: икс квадрата плюс...

В пятнадцать лет хорошо быть братом весёлой сестры-гимназистки...

А весной особенно.

II

Вот как я открыл северный полюс.

Было половодье. Лёд, размётанный по берегам, лежал живописными скалами, разноцветные солнечные улыбки дрожали на его гребнях. А вдали, около мельницы, стояла Катя с подругами и нашими гимназистами.

Я жаждал подвига. Подвиг был необходим, иначе я мог застрелиться от любви и ревности.

Река поняла. Отломала от берега ледяную гору, поставила её как-то поперёк течения, и льдина полезла вверх, к небу, и встала на одном месте, словно в молитве.

Я должен был сесть на эту глыбу верхом.

И пошёл. Прыгая с уступа на уступ, скользя и спотыкаясь, гордо летел я вперёд, и вот уже у льдины. Раз! – одна нога на ней. Ещё усилие – и я взойду на северный полюс и буду кричать, махать фуражкой и звать к себе их, всех других. Но они трусы, разве они рискнут?!

Два! – я уже на льдине. Три! – и вот я в воде по горло, но достаю ногами дно и, фыркая, лезу на берег. Это чертовски трудно.

Что там? Они смеются?!

– Борька! – кричит Михаил Галкин, второй ученик, воображающий себя красавцем. – Борька, догоняй фуражку-то, уплывёт! Катя, смотрите-ка, Борькина фуражка в кругосветное путешествие отправилась!

Смеются! Смею-утся!

О, будьте же вы все трижды прокляты!!!

III

Володя сказал:

– Идём к нам, обсушишься. Ишь, с тебя, как с утопленника...

– А Катя дома?

– Нет, она с Мишкой на озеро пошла. Идём, простудишься.

Я иду. Не иду, а плыву. Холодно. Одежда липнет к телу, зубы стучат, фуражка уплыла.

В кухне, к счастью, никого нет.

– Раздевайся. Сейчас мы всё это выжмем, просушим над печкой. А ты пока Катькину шубу надень.

– Неудобно.

– Ну, чего неудобно? Надевай, какого чёрта! Ну, вот. До вечера просохнет! Ну, крути за тот конец!

Мы выжимаем мои новые брюки, пальто, тужурку. Жмём над тазом, кряхтим, стиснув зубы. Потом расстилаем всё моё одеяние на печке и закуриваем!..

Скоро вечер. Звонят ко всеобщей – завтра воскресенье.

И как это тебя угораздило? – ворчит Володя.

– Понимаешь, скользко. Только я было ногой, глядь – бух!

– А зачем лез-то?

– Как зачем? Посмотреть... Река, половодье. Ну, интересно, понимаешь.

– Много интересного... А если бы утонул?

– Ну, это уж дудки. Я плаваю, как рыба.

– То-то ты пыхтел, как сом. А я уж думал – капут тебе... Стой-стой, Катька идёт!

– Где? – испугался я.

– Да вон, и прямо сюда.

– Слушай, мне надо спрятаться.

– Ну, что там!

– Нет, понимаешь, неудобно.

– Чепуха!

– Нет, надо спрятаться.

– Ну, лезь пока за печку.

Я с трудом протискался в угол между русской печью и стеной и сел на корточки.

Вошла Катя. Пришла она, оказывается, затем, чтобы перехватить ватрушку. Нашла, села к столу и начала уплетать за обе щёки.

О чём она разговаривала с Володей, я уж и не помню. Что-то, кажется, насчёт фуражки, льдины, кого-то называла психопатом!.. Вообще, неинтересный был разговор, хотя оба они много смеялись.

IV

Зажгли лампу, а Катя всё не уходила. Пришла кухарка, принесла со двора плетушку, в которой сидела наседка с цыплятами, и поставила её как раз перед моим носом. Между печкой и стеной.

Володя было запротестовал против действий кухарки, но был побеждён её резонами... Кухарка стала разжигать самовар, пришёл её муж – дворник.

Наконец, Катя ушла.

Володя выразительно посвистел, но я не решился вылезть. Он посвистел ещё раз. Нет, подумал я. неудобно.

Он запел:

Выходи, о друг мой нежный,
Уж пробил свиданья час!¹

Но я решил не выходить до тех пор, пока не уйдут все из кухни. Он, очевидно, понял меня и вышел.

Дворник полтора часа хлебал щи, три часа отрывал, целые сутки молился перед образом и, наконец, полез на печь.

– Это что тут такое? – изумился он.

– Володино, наверно, – отозвалась жена.

– Мокрое. Видно, врюхался.

– Вломился, наверно. Отодвинь к трубе да и спи.

– Ладно, уж знаю.

Время тянулось адски медленно.

Кухарка отнесла самовар, потом ужин – дворник всё не спал, кряхтел и чесался.

Кухарка вынесла грязную посуду, вымыла, что-то долго скребла, умывалась... Через неделю, наконец, потушила лампу и завалилась спать на сундуке.

Ну, теперь надо уходить, – решил я.

V

Дворник храпел, кухарка отсвистывалась. Я подобрал полы Катиной шубки и пополз. Однако не успел проползти и полдюйма, как стукнулся лбом обо что-то твёрдое. И сейчас же услышал сердитое урчание.

– Чёртова наседка! – вспомнил я.
Просунув вперёд руку, я начал отодвигать плетушку.
– Куд-куддах! – гаркнула окаянная птица во всю глотку.

– А, что? – пробормотал дворник.

– Спи со Христом... Пеструшка кудакнула... Спи ты... – сквозь сон проговорила кухарка.

Я переждал с полгода и опять тронул плетушку.

– Куддах! – рявкнула анафема.

– Ну, что, дура?.. Спи ты... – проворчала кухарка.

Нет, тут не пролезешь, – подумал я. – Это не курица, а цербер, будь она проклята. Надо через верх.

Я выпрямился и ухватился руками за край печи.

Пальцы запутались в каком-то мочале. Я дёрнул, чтобы отбросить от себя, но дворник вдруг заорал:

– Кто тут?

Я моментально юркнул на дно.

– Ты что, Аким? – спросила кухарка.

– Да, кажись, меня кто-то за бороду дерганул.

– Пригрезилось... Какая-там борода?!

– Цапнул кто-то.

– Спи ты... Это во сне.

Дворник скоро захрапел.

Положение было отчаянное. С одной стороны – курица, с другой – дворник. Как быть?

Решил всё-таки лезть через верх. Потихоньку сбросил с плеч шубу и в одном белье полез вверх. До середины печи всё шло благополучно, но проклятый дворник раскинулся во всю свою ширину, и я налетел головой на его живот.

Он крякнул и схватился за повреждённое место рукой.

Причёска моя меня сгубила...

Он сгрёб её в свою пятерню, я рванулся и кубарем покатился с печи. Поднялся крик. Я бросился к двери, налетел на стол, уронил его вместе с собою и т.д., и т.д.

VI

Я не буду рассказывать, как «ловили вора» в Володиной кухне. Конечно, в своё время всё разъяснилось. Катя, прибежавшая, как и вся семья, на скандал, хохотала до обморока.

Но после мы с нею стали хорошими друзьями.

Вот что вспомнилось мне сейчас, в холодный декабрьский вечер...

Это было весной.

Конечно, весной.

МОЙ РОМАН

I

Её звали Надей... Наденькой. А поцеловались мы в первый раз вот как.

– Та-ак-с... Теперь, значит, уж до весны... до мая месяца... Ну, что ж... – говорил, тяжело вздыхая, Миша Полонский, когда мы все четверо – Надя, её сестра, я и

¹ «Выходи, о друг мой нежный...» – слова из песни Мефистофеля, обращённой к Маргарите (из оперы Шарля Гуно «Фауст», либретто Жюль Барбье и Мишеля Карре в переводе на русский Петра Калашникова).

Миша – остановились октябрьским вечерком у Надиного дома.

– А вы намерены скучать без меня? – бессердечно кокетничала Надя. – Скажите, вам жаль со мной расставаться, а?

– Ну, ещё бы! – стараясь говорить как можно мягче, но не будучи в силах сдержать небольшого ехидства, сказал я. – Он опять топиться побежит, как в прошлом году.

– Помолчал бы, товарищ, – огрызнулся Миша. – Удивительно остроумно!

— Куда уж нам! — смиреннейшим тоном протянул я. — Мы в «Ниве» не сотрудничаем.

— Ну-ну, господа, в такой-то вечер вы ругаетесь! — вмешалась Надя (она тоже читала в «почтовом ящике» «Нивы» ответ некоему «господину Томасу Мору», ответ, снабжённый цитатами из наиболее «удачных» стихов юного автора). Ругайтесь, когда я уеду, а теперь — не смейте!

— Ладно, мы уж без вас лучше, — согласился Миша.

— Поздно уж, Надя. Надо домой, — сказала Надина сестра.

— Да, пора. Ну, господа, давайте простимся, — щебетала Надя. — А знаете что: давайте поцелуемся?..

— Великолепно! — крикнул кто-то из нас, может быть я.

— Ну, Миша, до свиданья! Да целуйте, что же вы?

— Чмок! — слабо раздалось на морозном воздухе.

— Ох!.. — простонало моё сердце.

— До свиданья? — лукаво глядя на меня, спросила Надя.

Не помню, руку ли её пожал я или просто стиснул краешек её муфты; не помню также, для чего я трахнул в снег свою папаху, но помню, что губки Надины были такие тёплые, мягкие, нежные и так приятно было ощутить их прикосновение, что я чуть не заплакал от хорошей, чистой радости.

Это был первый поцелуй...

— Ой, да ты что-то долго... Словно прирос к губам-то, — угрюмо проговорил Миша.

— Долго? — удивилась Надя. — Разве? Ах, вы какой! — погрозила она пальцем. — Вы слишком большой поцелуй получили, давайте сдачи.

Я с радостью отсчитал ей сдачу и, кажется, даже больше, чем следовало.

— Ну, вот, теперь как раз, — засмеялась Надя и прыгнула на крыльцо.

— А мне-то сдачу! — неожиданно рявкнул Миша.

— Вам не следует! — крикнула Надя, хлопая дверью.

— Что, получил? Не хочешь ли от меня сдачи? — злорадствовал я.

— Идиот!

— Писатель! Почтовый ящик!

— Нахал!

— А этого хочешь?

По правде сказать, «это» у меня было гораздо крепче и внушительнее, чем у соперника. Он плюнул и пошёл прочь.

II

А когда Надя приехала на каникулы, я уже не мог пойти с нею вечером поудить ершей и послушать, как кричат коростели. Но видел её часто, потому что тюрьма была в центре города², рядом с городским сквером, и окно моей камеры открывалось как раз в сторону сосновой аллеи.

² Тюрьма в Чембаре, на родине Ф. Чудакова, действительно располагалась в центре города, рядом со сквером и Покровским кафедральным собором.

Почти каждый вечер Надя с сестрой ходили по аллее и махали мне то платком, то веткой сирени и что-то кричали, но было слишком далеко, и я не слышал.

И вот однажды я увидел Надю с каким-то чиновником. Кошкой вскочив на оконную решётку, я впился в них взором и узнал в чиновнике начальника тюрьмы.

Молодой канцелярист, доносчик и наушник, племянник исправника — назначен был начальником тюрьмы по протекции, и вот он теперь гуляет с Надей!

Надя шла своей обычной изящной походкой, держа в руке какую-то ветку, и смотрела в мою сторону, а начальник что-то ей рассказывал, то прикладывая руки к груди, то раскидывая их в стороны и всё время потряхивая головой.

Увидев меня, Надя замахала веткой, а начальник уставился на моё окно, долго смотрел. Потом было вот что.

Начальник, усиленно жестикулируя, указывал Наде назад. Надя отрицательно трясла головкой. Начальник развивал жестикуляцию до высшей точки напряжения — Надя отрицательно кивала головкой. Начальник снял фуражку, раскланялся и пошёл назад. Надя даже не оглянулась на него и продолжала махать мне веткой. Я махал ей платком...

Отойдя шагов десять, начальник вернулся к Наде, опять пустил в ход жестикуляцию — Надя не обращала внимания. Начальник опять снял фуражку и быстро ушёл назад.

Я ликовал.

III

Сон, который снился мне в эту ночь, я не буду никому рассказывать: я не хочу, чтобы над землёй вечно сияла весна, потому что на этой земле есть скверные люди...

Меня разбудил стук и грохот.

Два арестанта лениво приколачивали железный колпак над моим окном снаружи.

Когда они окончили свою работу и я залез на решётку, сквера уже не было видно: его закрывал железный колпак.

IV

«Но мы можем увидеть друг друга в церкви», — писала, между прочим, Надя на миниатюрном клочке бумаги, доставленном мне одним из надзирателей.

В конце этой записки стояло такое слово, что я позабыл и о колпаке, и о начальнике тюрьмы, и обо всём на свете, кроме ближайшего воскресенья.

Тюремная церковь помещалась в верхнем этаже. Доступ в неё имели все горожане, за исключением родственников арестантов и людей, заподозренных в неблагонадёжности относительно переписки с заключёнными...

Для арестантов в церкви была отведена особая клетка, а в этой клетке — ещё клеточка, специально для политических.

Милая клеточка!

Надя стояла совсем близко впереди и часто оглядывалась на меня. А когда обедня кончилась, я нарочно задержался в коридоре, сказав, что хочу говорить с начальником. И вот Надя прошла мимо, и я мог пожать её руку!

И она так хорошо мне улыбнулась!

— Что вам угодно? — спросил начальник.

— Мне? Ничего! — отвечал я.

V

И в следующее воскресенье мы виделись...

А потом меня не стали пускать в церковь по распоряжению начальника.

VI

— Вам букет есть в конторе, да начальник не приказали, — сказал надзиратель, подходя к моему волчку³.

— Букет?

— Да, букетец. Только не приказано передавать-с!

— Как не приказано? Что такое!

Бух! Бух!..

Я расшиб о дверь обе ноги, но начальник не пришёл.

Цветы!.. Я их не получил!

VII

— Здравствуйте! — сказал начальник, входя в рождественский сочельник в мою камеру.

— Здравствуйте.

— Собирайтесь! Сегодня в обед на этап пойдёте.

— Сегодня?

— Да, предписание получено. Сегодня с партией.

— Но, послушайте...

— Виноват, мне некогда. Этап идёт в двенадцать часов.

— Послуш...

— Антонов, запирай!

Начальник вышел, но задержался около волчка и крикнул:

— Надежда Львовна просила, чтобы вы её книги с собой не брали. Ей самой нужны.

VIII

Шёл густой снег.

Провожать нас собралось полгорода.

Слышались причитанья, вопли.

На душе было пусто, тоскливо...

— Разойдись! Куда прёшь? — орали конвойные, осаживая толпу.

— Нельзя, нельзя! — вежливо, но настойчиво говорил начальник тюрьмы, оттесняя от нашей партии группу девушек и «молодых людей». В группе тоже слышались всхлипывания.

Шёл густой снег, и нельзя было рассмотреть, что это была за группа, но Надин голос, тихий, всхлипывающий, я слышал ясно...

³ Волчок — небольшое отверстие в двери тюремной камеры, глазок.

И сердце сжималось... хотелось ударить кого-нибудь, закричать...

IX

Вот что писал я ей из губернской тюрьмы:

«Надя! Я получил три года крепости⁴, и всё время буду сидеть здесь. Это меня несколько не пугает, наоборот. Я буду читать, работать над своим образованием. Три года пройдут незаметно. А если вы хоть изредка будете писать мне, хоть по два слова — я буду счастлив без меры! При воспоминании о том, как вы плакали, когда я уходил с партией, а вас не пускали со мной проститься, — я ощущаю, как во мне закипает гордый гнев, и я готов отомстить всем, кто встал между вами и мною. Я чувствую силу, я готов на подвиг! Я, не сморгнув, перенесу ради вас пытку огнём и железом! О, мы ещё поборемся, чёрт возьми!»

И т.д.

Приблизительно так или, может быть, ещё глупее, писал я ей. Помню, что восклицательных знаков было столько, что письмо едва вошло в конверт.

X

А она ответила так:

«Уважаемый Николай Петрович!

Вы, наверно, ошиблись, потому что я не была, когда вы уходили по этапу, я ездила с сестрой в Завиваловку⁵ к дяде. Новостей у нас никаких нет, только Миша Полонский поступил в казначейство за пятнадцать рублей, а сестра Маша готовится в учительницы. Больше новостей нет, я скоро еду в N. к брату гостить, и, думаю, там будет весело. Я об вас часто вспоминаю, и мне вас очень жалко, что вы будете сидеть три года.

Остаюсь, уважающая Вас Надежда».

XI

И вот теперь, когда первый десяток седых волос — серебристый иней старости — задорно блестит в моих поредевших кудрях, блестит и не тает от вешнего солнца, горящего в моём сердце; когда щёки мои покрыты морщинами, как старая жнива глубокими бороздами с комлями жёсткой щетины; когда простреленные ревматизмом ноги заменяют мне барометр и Брюсов календарь⁶, — теперь, когда я стар, некрасив и смешон, я часто вспоминаю свою юность и лучшее, что в ней было — первый поцелуй девушки, которую звали Надей... Наденькой...

⁴ Фёдор Чудаков получил три года, но не крепости, как герой рассказа, а ссылки, которую он отбывал в Восточной Сибири, в селе Червянка Енисейской губернии.

⁵ Завиваловка — село в Чембарском уезде Пензенской губернии (ныне Каменский район Пензенской области).

⁶ Брюсов календарь — первый календарь, вышедший в России в 1709 г. стараниями генерала Якова Брюса, известного российского деятеля науки и военачальника, сподвижника Петра I. Настоящим составителем календаря, около 200 лет являвшегося настольным справочником российских земледельцев, был библиотекарь и книгоиздатель Василий Киприянов.

ЦЕНА
100 руб. 00 коп.